

ІНСТРУМЕНТАРІЙ

Анна Голубицкая (Одесса)

ГЕНЕЗИС ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕЦЕНЗИЙ «ОДЕССКОГО ПЕРИОДА»)

Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) сегодня широко известен как выдающийся историк русской мысли, культуролог, философ, историк Церкви, один из основоположников «неопатристического синтеза» – магистрального направления современного православного богословия. Хотя, к сожалению, за богатством его богословского наследия исследователи не всегда видят собственно философа или философствующего мыслителя. Хотя сам о себе Флоровский говорил, что «всегда мечтал быть философом» [Блейн, 1995: с. 171] и в своих работах нередко выступал с позиции «философа культуры». Да и сама его концепция «христианского эллинизма» предполагала обращение к философии (пусть и сугубо «эллинской») уже хотя бы на уровне понятийного аппарата.

Спектр проблем, интересующих Флоровского-мыслителя достаточно широк: истоки и основания русской мысли, влияние немецкого идеализма на неё, проблемы познания, исторического времени, личности и её целостности и многие другие. Данный проблемный круг и сам стиль исследования начинают формироваться у Флоровского ещё в студенческие годы, хотя зачастую исследователи его творчества называют «творческой лабораторией, где складывались его проблематика, терминология, стилистика», более поздний период – первые годы эмиграции [Черняев, 2009: с. 65]. Это обусловлено сложностью изучения генезиса философской рефлексии Флоровского, ведь многие ранние работы автора не нашли отражения в публикациях, к тому же с 1910-х годов они не переиздавались, превратившись в библиографическую редкость.

Ранний период творчества Флоровского как проблема генезиса его философской рефлексии уже был освещён в некоторых исследованиях. Например,

---

© А. Голубицкая, 2011

в публикации Инны Голубович «Г.В. Флоровский: Путь, начавшийся в Одессе (Фрагменты интеллектуальной биографии)» [Голубович, 2009: с. 25–34] и в меньшей степени в работе Юрия Тюменцева «Образ христианского историзма в раннем творчестве Флоровского», посвященной, главным образом, «европейскому» периоду [Тюменцев, 2005: с. 73–92]. Не обходят вниманием одесские годы жизни и творчества Флоровского и авторы специальных монографий. В частности, Эндрю Блейн [Блейн, 1995: с. 8–28] и Анатолий Черняев [Черняев, 2009: с. 13–32] достаточно ярко освещают данный период. «Бегло» и поверхностно рассматривают данный вопрос Александр и Сергей Посадские в монографии «Историко-культурный путь России в контексте философии Г.В. Флоровского» [Посадский, Эл.Р.], а также Марк Раев в работе «Соблазны и разрывы: Георгий Флоровский как историк русской мысли» [Раев 1995: с. 261], Айдан Николс в «Свете с Востока: Авторы и темы православного богословия» [Nichols, 1995: p. 129–130], Николай Лосский в «Истории русской философии» [Лосский, 1990: с. 455], Иван Огородник и Мирослав Русин в книге «Українська філософія в іменах» [Огородник, 1997: с. 277–278]. Но даже в наиболее фундаментальных исследованиях творчества нашего героя представленные библиографические списки являются неполными. Так, в библиографии, предложенной Блейном, несмотря на то, что достаточно подробно указаны его ученические и студенческие публикации и доклады, присутствуют лишь две (из шести известных) статьи («Из прошлого русской мысли» и «Новые книги о Владимире Соловьёве», изданные в «Известиях Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете» [Блейн, 1995: с. 24], не отмечены также такие работы, как рецензия на книгу Сергея Аскольдова «Алексей Александрович Козлов» [Флоровский, 1912: с. 654–656]), а также не опубликованная рецензия на работу Николая Глубоковского «Православие по его существу». В монографии Черняева [Черняев, 2009: с. 79, 85] последние две работы отмечены, зато там не упомянуты четыре рецензии из «Известий...» Да и в целом, на наш взгляд, значение «одесского периода» для последующего творчества Флоровского подчеркнуто недостаточно.

Цель данной статьи – восполнить этот «пробел» и показать на основе первых печатных рецензий Флоровского (в том числе нигде доселе не упоминавшихся), что многие ключевые для его творчества темы зарождаются и звучат (возможно, ещё вполголоса) уже в ранних работах «одесского периода». Для достижения этой цели нам потребуется решить следующие задачи:

1) ввести в научный оборот первые рецензии авторства Флоровского, отсутствующие в общепризнанных его библиографиях (в частности Блейна [Блейн, 1995: с. 372], Черняева [Черняев, 2009] и др.;

2) реконструировать генезис философских идей данного мыслителя.

Итак, предметом нашего исследования будут нигде ранее не рассмотренные рецензии авторства Флоровского. Эти работы имеют особое отношение к реконструкции генезиса именно философской составляющей его творчества.

Произведения т.н. «малых форм», в частности письма и рецензии, в последнее время всё чаще становятся объектом изучения историков философии. Если письма ценны тем, что, прежде всего, «приоткрывают экзистенциально-психологический мир их автора и тем самым проливают свет на многие обстоятельства всей его жизни и творчества» [Черняев, 2009: с. 12], то в произведениях философской критики находит своё выражение такая важная черта философии, как диалогичность. Ведь нередко в полемике, в анализе и соотнесении себя с Другим происходит самоконструирование, кристаллизация собственных взглядов и позиции философа.

Мы абсолютно согласны с Альбертом Соболевым в том, что «философские идеи непостижимы в их автономной сущности» [цит. по Черняев, 2009: с. 12], вне их связи с личностно-психологическими факторами, вне сферы экзистенциального опыта мыслителя. Поэтому считаем вполне оправданным применить в данной публикации «психологический и генетический» подход, приверженцем которого был сам наш герой [цит. Черняев, 2009: с. 12].

Прежде всего, хочется отметить, что значил «одесский период» (1894–1920) для самого Флоровского. Его ученик и биограф Эндрю Блейн писал о своём наставнике: «Его подлинным “домом” стала и осталась на всю жизнь Одесса – город, о котором он вспоминал чаще всего и с большой теплотой» [Блейн, 1995: с. 10]. Несмотря на то, что Флоровский родился в пригороде Елизаветграда (ныне – Кировограда) Ковалёвке и был перевезён своими родителями в «Южную Пальмиру» в возрасте полугода, исследователи-биографы пишут о нём именно как об одессите. Такая оговорка кажется вполне закономерной. Именно «космополитичный дух» многонациональной Одессы, в которой мирно уживались представители разных культур, религий, стал той почвой, на которой позже возникли экуменические воззрения Флоровского. И, безусловно, можно возразить, что не каждый внук и сын священника становится богословом (к тому же столь выдающимся), но трудно оспорить тот факт, что детские годы, проведённые в семье настоятеля Одесского Спасо-Преображенского кафедрального собора (главного храма епархии), ректора Одесской Духовной семинарии не располагали к этому. Маленькому Флоровскому, болезненному мальчику, благодаря положению отца всегда был открыт доступ к книгохранилищам семинарии. Да и к тому же атмосфера «рафинированного культурного общения» [Черняев, 2009: с. 15], царившая в семье (отец – ректор, дяди – Сергей и Михаил – профессора [Блейн, 1995: с. 13]), располагала к любознанию. Вследствие этого он много читал вполне «взрослой», серьёзной исторической и философской литературы, а также книг, посвящённых истории Церкви, богословию и богослужению, и потому рос настоящим вундеркиндом и уже с детства знал, что будет «христианским учёным» [Блейн, 1995: с. 19–20]. Еще тогда, по признанию самого Флоровского, ведущими для него были «история и вера. Но не в качестве сухой науки или сокрытого знания, а в качестве опыта, пропущенного через себя» [Блейн, 1995: с. 20]. И хотя

более основательно патристикой Флоровский занялся лишь в Праге в 1924 (а ещё более углублённо – в Париже в 1926 году благодаря предложению о. Сергея Булгакова занять вакантное место преподавателя патристики в Свято-Сергиевском институте [Блейн, 1995 с. 42]), истоки этого интереса к наследию Святых Отцов мы обнаруживаем именно в «одесском периоде» его жизни. Будучи второкурсником, Флоровский отмечал, что «всё разумное в высшем смысле, благое и вечное, что подспудно или явно питало нашу философию и литературу, идёт от учения святых отцов» [цит. по Голубович, 2009: с. 34]. Важным источником, из которого мы можем судить о круге его интересов тех лет, являются письма. В частности профессору Московской Духовной академии Николаю Глубоковскому (1863–1937) и Павлу Флоренскому (1882–1937), которым 16–17-летний экзальтированный юноша, столь нуждавшийся в наставнике, отважился написать первым. Судя по ним, уже тогда Флоровский строил достаточно смелые для своего возраста планы детально изучить «эпоху появления христианства», историю «всей русской мысли», соотношение «иудейской и эллинистической стихии» [цит. по Черняев, 2009: с. 63].

Что касается собственно рецензий, то это были, безусловно, не первые сочинения Флоровского. Достаточно упомянуть две конкурсные работы: «Разработка мифа об Амфитрионе в древней и новой драме» (отмеченная серебряной медалью) и «Современные учения об умозаключениях» (удостоенная золотой медали). Особого интереса заслуживает англоязычное сочинение по физиологии «О механизме рефлекторного слюноотделения», отмеченное самим академиком Павловым и опубликованное в «Известиях Императорской Академии наук» за 1917 год. Однако наше внимание будет сосредоточено преимущественно на шести рецензиях, опубликованных в «Известиях Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете» (первые четыре из нижеперечисленных доселе ещё не были анонсированы ни в одном исследовании, посвящённом творчеству Флоровского):

- рецензия на книги Вундта В. Введение в психологию. Пер. А. К-на, под ред. Ланге – Одесса: 1912; Вундта В. Проблема психологии народов. Пер. Н. Самсонова. – М.: 1912; Вундта В. Основы искусства. Пер. Н.К. Ядрышева. – Спб.: 1910;
- рецензия на книгу Ф. Ницше Полное собрание сочинений. Т.1. – М.: Московское книгоиздательство, 1912;
- рецензия на книгу «Что на душе таится...» Д-ра В. Штекеля;
- рецензия на сборник «Новые идеи в философии» под. ред. Н.О. Лосского, Э.И. Радлова. – Спб.: Образование, 1912. – Сб. 1. Философия и её проблемы. – Сб. 2. Борьба за физическое мировоззрение;
- «Новые книги о Владимире Соловьёве»;
- «Из прошлого русской мысли».

Условно эти произведения можно разделить на два типа: собственно рецензии (сборные или монографические), которые по всем законам жанра информируют о новом произведении (сборнике), содержат его краткий анализ и оценку; и обширные историко-библиографические обзоры, не вписывающиеся в жанровые границы рецензии и представляющие собой самоценные философские произведения с собственной авторской концепцией. О последнем, в частности свидетельствует тот факт, что две рецензии («Новые книги о Владимире Соловьёве» и «Из прошлого русской мысли») были в дальнейшем опубликованы и в виде самостоятельных брошюр.

К рецензиям этого периода можно отнести также опубликованную в 1913 году работу «О монографии С.А. Аскольдова» (книга об Алексее Козлове) [Флоровский, 1912], которая свидетельствует об особом внимании Флоровского к персонализму уже в эти годы. Он отмечает «крупную роль в истории русской мысли», которую сыграл А.А. Козлов, «один из главных представителей монадологии на Руси» [Флоровский, 1912: с. 654–656]. Вместе с тем он подвергает резкой критике утверждение Аскольдова о том, что Козлов является одним из «основателей христианской философии в России» [цит. по Флоровский, 1912: с. 654], т.к. любая форма пантеизма не может быть названа христианской мыслью, даже если при этом защищается «субстанциональность духа» [Флоровский, 1912: с. 654–655]. Не согласен Флоровский и с нивелированием философской (в частности гносеологической) составляющей учения Соловьёва [Флоровский, 1912: с. 655]. Важно отметить, что данная рецензия представляет собой особый интерес в контексте проблемы целостности творческого наследия Флоровского. В частности, некоторые исследователи говорят о некоей «линии водораздела», моменте, с которого собственно начинается Флоровский как религиозный мыслитель, сменяющий Флоровско-«светского» философа. В частности, Юрий Черноморец называет таким «переломным моментом» 1927 год, когда была издана статья «Дом Отчий». Однако, ещё юный Флоровский в рецензии на монографию Аскольдова высказывает мысль, во многом созвучную более поздним работам: «Лишь в недрах Церкви зародится и разовьётся христианская философская мысль» [Флоровский, 1912: с. 657]. Данный тезис красноречиво характеризует тот факт, что уже юный Флоровский выступает с позиции, не характерной для русской религиозной философии, как своеобразный оппонент интеллектуальной традиции русского Серебряного века. Призыв Флоровского и Вл. Лосского обратиться «к Отцам» в дальнейшем среди мыслителей данной традиции останется безответным, грозющим, по их мнению (в частности Бердяева), «религиозным консерватизмом». Это в дальнейшем даст основание архимандриту Софронию Сахарову написать: «Нам всем приходится нести крест одиночества» [Сахаров, 2008: с. 47].

В том же году Флоровский написал восторженную рецензию на статью своего наставника Н.Н. Глубоковского «Православие по его существу». Эта работа представляла особый интерес в контексте изучения истоков концеп-

ции «христианского эллинизма» и «неопатристического синтеза» Флоровского, ведь именно в «Православии по его существу» Глубоковский высказал мнение, что ведущую роль в становлении этоса православия играет «византийско-церковный эллинизм» (как видим, позже Флоровский будет прямо использовать эту терминологию в своих работах, в частности в работе «Христианство и цивилизация» [Глубоковский, Эл.Р.]). К сожалению, данная рецензия так и не была издана.

В поле нашего внимания находятся лишь изданные в 1912 году в сборнике «Известия Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете» рецензии. Что же представляло собой само Одесское библиографическое общество, курировавшее данный проект? Одесское библиографическое общество было создано по инициативе библиотекаря Новороссийского императорского университета П.С. Шестерина в 1907 году. В принятии Устава общества в 1909 году принимал участие Антоний Флоровский (1884–1968), старший брат Георгия, будущий известный историк, славист, профессор Карлова университета. Общество с момента своего основания было связано с университетской библиотекой и ставило себе целью организацию исследований, публичных выступлений, посвящённых проблемам библиографистики, литературоведения, истории родного края, книжного дела и литературной критике, издание трудов, касающихся данной проблематики, а также собственного периодического сборника. Общество объединяло многих выдающихся учёных, имена которых стали известны далеко за пределами Одессы. Достаточно упомянуть имена видных историков (преподавателей и близких друзей Флоровского) Петра Бицилли (1879–1953) и Владимира Крусмана (1879–1922), которые оказали значительное влияние на формирование концепции философии истории нашего героя (особенно первый со своей критикой идеи прогресса, телеологизма, отрицанием «искусственных построений» в историческом знании [Попова, 2007: с. 395]). Эти «уроки» Бицилли находят свои отголоски в некоторых дальнейших работах Флоровского (например, в таких работах, как «Вечное и преходящее в учении русских славянофилов», «В мире исканий и блужданий», «Смысл истории и смысл жизни» и др.) Как вспоминает профессор Роберт Николс, близко знавший Флоровского и переводивший «Пути русского богословия» на английский язык, в последние годы жизни наш герой часто вспоминал о влиянии на формирование его идей одесских преподавателей, в частности Бицилли.

Что касается участия в деятельности Общества самого Флоровского, то он и его сестра, Клавдия Васильевна (1883–1963), были приняты в его члены на Четвёртом очередном собрании 12 ноября (29 октября) 1911 года, а в мае 1912 года в Общество был принят и их отец – Василий Васильевич (1852–1928). Помимо того, что Флоровский был избран секретарём Общества, он также принимал участие в его заседаниях как докладчик (например, с сообщением на тему «Новые книги о Владимире Соловьёве»). Также наш

герой писал рецензии к книжным новинкам для периодического сборника Общества (лаконично подписываясь «Ф.») Сам характер деятельности Общества был очень близок Флоровскому как человеку, единственной страстью которого, по его собственному признанию, были книги [Блейн, 1995: с. 20]. В детстве болезненный, часто страдающий от одиночества и жажды общения со сверстниками, Флоровский находил утешение в книгах. Читал он так много, что, будучи восемнадцатилетним первокурсником, был освобождён от посещения лекций в университете ввиду того, что к тому времени изучил все необходимые учебники самостоятельно [Блейн, 1995: с. 15]. «Библиофилом» Флоровский оставался всю жизнь, о чём свидетельствует «уникальная» его личная библиотека, завещанная Принстонскому университету [Аллилуева, 1988: с. 37]. «Его часто можно было видеть на главных улицах Принстона в длинной чёрной рясе, в маленьком чёрном берете, контрастировавшем с его белой бородой, толкавшим впереди себя (или же тащившим позади) нечто вроде детской колясочки, наполненной книгами. Так он курсировал между своим домом и библиотекой университета», – вспоминала Светлана Иосифовна Аллилуева, духовное чадо о. Георгия Флоровского [Аллилуева, 1988: с. 37]. «Ежедневные поездки в Файерстоунскую библиотеку позволяли о. Георгию даже в последние годы оставаться поразительно осведомлённым в области библиографии» [Блейн, 1995: с. 171]. Таким образом, участие юного Флоровского в деятельности библиографического общества представляется вполне закономерным.

Прежде, чем перейти к более детальному анализу рецензий, хотелось бы дать некий общий их обзор. Первое, что бросается читателю в глаза, – широкий спектр интересов автора. Здесь и работы по истории русской и западноевропейской философии, по философии науки, по психологии. Эта «пространственность» интересов Флоровского будет и в дальнейшем отличительной чертой его творчества. «Круг моих интересов, может быть, слишком растянут», – признавал он сам на исходе жизни [Черняев, 2009: с. 63]. Кстати, некоторые исследователи видят именно в этом косвенную причину того, что Флоровский так и не оставил после себя стройной философской системы, его проект так и остался незавершённым. «Флоровский презирал всякое системотворчество», – отмечает Черняев [Черняев, 2009: с. 62]. Именно произведения как раз «малых форм» (рецензии, статьи) были для него наиоптимальнейшим жанром. Монографий он, в сущности, не писал, ведь его «Пути русского богословия» представляют собой переработанные статьи и рецензии разных лет, а «Восточные отцы IV века» и «Византийские отцы V–VIII веков» возникли на основе лекционных курсов [Черняев, 2009: с. 62]. Вместе с тем работы «одесского периода», в их соотношении с более поздними, как раз отличаются большей «академичностью», «производят впечатление более тщательной продуманности и чёткости изложения» [Черняев, 2009: с. 61]. Хотя юный Флоровский и отмечает в письме к Глубоковскому, что пишет «в порыве вдохновения, не

отдавая себе ясного отчёта в течении и связи своих мыслей» [цит. по Черняев, 2009: с. 61]. И хотя сам Флоровский гордился своим «сжатым стилем письма» [Блейн, 1995: с. 182], его дальнейшую манеру исследователи оценивают весьма неоднозначно. Так, Николай Бердяев шутливо отмечает ёмкость и содержательность его работ: «Его рецензии – это статьи, его статьи – монографии. Его монографии – многотомные сочинения» [Блейн, 1995: с. 25] Вместе с тем уже упомянутый нами Черняев указывает на определенную невнятность и «бессвязность» работ Флоровского, что характеризует, на его взгляд, их автора не как «академического учёного или философа, но скорее как эссеиста» [Черняев, 2009: с. 61]. Здесь сказывается некая страстность, почти экзальтированность природы самого мыслителя.

Эта же черта «сквозит» и в другой особенности стиля Флоровского – в своём повествовании он не избегает «острых углов» и при необходимости прибегает к достаточно жёсткой критике. Эта черта проявляется уже и в ранних «одесских» его работах, в частности в рецензии на книгу Вильгельма Штекеля «Что на душе таится...» Работу Штекеля (1868–1940) Флоровский бескомпромиссно относит в разряд «тенденциозных, односторонних, сводящих всё к одному... принципу». Самому австрийскому психологу ставит суровый диагноз, обвиняя его в отсутствии «свежести», «оригинальности» и «глубины мысли» [Флоровский, 1913е: с. 318–320]. Вообще, критиканство и субъективизм многие вменяли в вину самому Флоровскому, и одним из первых в этом списке был Бердяев (см. его работу «Ортодоксия и человечность»). Митрополит Антоний Сурожский (Блум), называвший себя учеником Флоровского, признавал, что «порой его суждения были несправедливы..., судил очень резко», «он иногда рубит с плеча» [Блум, Эл. Р.]. Черняев пишет даже о некой «интеллектуальной страсти, если не сказать злости», характерной для его стиля письма [Черняев, 2009]. К сожалению, сегодня достаточно публикаций, создающих вокруг Флоровского ореол некой нравственной неблагонадёжности и недображелательности, представляя его самого как скандально-истеричную личность, интригана и деспота (достаточно вспомнить публикацию Сергея Половинкина «Инвектива скорее, чем критика: Флоровский и Флоренский»). Горьким следствием такого очернения личности мыслителя становится дискредитация всего его творчества. Нам представляется такой «монохронно чёрный» образ Флоровского весьма далёким от подлинного о. Георгия. На основе воспоминаний близко знавших его людей вырисовывается несколько иной портрет, гораздо более сложный и многокрасочный. Так, митрополит Антоний Сурожский вспоминал, что он мог быть действительно не «сладок», «страстен», «резок» в вопросах, касавшихся его принципов, веры – лжеучение было «чертой, непереходимой для него». Вместе с тем Флоровский «умел подойти к человеку именно как к человеку... очень глубоко», «у него могла быть потрясающая чуткость и ласковость в своём роде» [Блум, Эл. Р.]. Светлана Аллилуева, благодаря профессору Ричарду Бёрджи близко знавшая чету

Флоровских, вспоминает, что их образ жизни был «поистине христианским – любвеобильным и простым». Характеризует как людей, для которых «дружить со всеми куда важнее», а нашего героя как человека «очень застенчивого», «не от мира сего», самого явившегося жертвой интриг в Свято-Владимировской семинарии, не карьериста, доброго и «мудрого» [Аллилуева, 1988: с. 35–37]. Всё это свидетельствует о том, что для стиля Флоровского непримиримая критика была порождением не скверного нрава и мизантропии, а, скорее, бескомпромиссности и принципиальности мыслителя, его стремления посредством рассуждения выявить соответствие/несоответствие концепций того или иного мыслителя христианской доктрине. «Осуждать» плохо и опасно, но «судить» неизбежно, или лучше сказать, «рассуждать», – писал он сам в письме к архимандриту Софронию Сахарову [Сахаров, 2008: с. 82]. Флоровский никогда не боялся признанных авторитетов и при необходимости смело вступал с ними в полемику в своих работах. «Независимость мысли», «верность преданию», «мужество сопротивляться “морю”» – вот те черты, которые он ценил в других мыслителях (в частности во Владимире Николаевиче Лосском) и те принципы, которым старался следовать сам [Сахаров, 2008: с. 68].

Ещё одна важная черта стиля Флоровского, обнаруживаемая уже в ранних его рецензиях, – потрясающая эрудиция автора, прекрасной иллюстрацией которой являются работы «Из прошлого русской мысли» и «Новые книги о Владимире Соловьёве». Данные публикации (особенно вторая) поражают, даже несколько затрудняют восприятие избытком фактического (библиографического прежде всего) материала.

Знаковой для творчества нашего героя является работа «Из прошлого русской мысли», условно представляющая собой тематический обзор библиографии. Уже юный Флоровский задумывает написать сочинение по истории русской мысли: «Моя мечта – изучение всей русской мысли в её истории, изучение русской философии в её генезисе и развитии», – пишет он в 1912 году Флоренскому [Черняев, 2009: с. 139]. И вышедшая в этом году работа «Из прошлого русской мысли» явилась своеобразным фундаментом для «Путей русского богословия». Профессор Университета св. Фомы Аквинского в г. Сент-Пол о. Павел Гаврилюк выдвигает гипотезу, что эволюция взглядов Флоровского в конце его творческого пути представляет собой своеобразное возвращение к его ранним «одесским» идеям (кстати, об этом говорит и профессор Роберт Николс, отмечая, например, что в последние годы огромную роль в творчестве нашего героя вновь играет и Вл. Соловьёв, которого он буквально боготворил в юности). Всё это придаёт особую значимость юношеским «одесским» публикациям Флоровского в контексте проблемы целостности его наследия.

Особый интерес вызывает работа «Новые книги о Владимире Соловьёве». Юный Флоровский, что мы уже отметили выше, пережил пору увлечения Владимиром Сергеевичем Соловьёвым (1853–1900), воспринимал его

как «пророка» [Черняев, 2009: с. 167], считал своим «первым учителем религиозной философии» [там же: с. 168]. Он называет Соловьёва «первым, если не по времени, то по глубине философской пронизательности» русским философом [Флоровский, 1913b: с. 237]. Примечательно, что за год до этого отношение Флоровского к данному мыслителю было куда более прохладное, о чём свидетельствует первое письмо к Флоренскому: «Главной бедой наших богословов из светских, – глубокоуважаемого мною Владимира Сергеевича Соловьёва, – «веховцев» и др. – является их оторванность от церковного сознания, лишаящая их твёрдых начал» [цит. по Черняев, 2009: с. 167–168]. Такую неустойчивость его позиции по отношению к Соловьёву Черняев поясняет следующим образом: «колебания Флоровского по отношению к Соловьёву служили неким индикатором колебаний его собственных духовных настроений» [Черняев, 2009: с. 168].

Примечательна и рецензия и на первый том собрания сочинений Фридриха Ницше (1844–1900), «страдальца-философа», как называет его Флоровский. В рецензии дан анализ и положительная оценка не самим работам Ницше, а вступительной статьи к данному изданию профессора Фаддея Зелинского, который представил его философскую систему как «одно целостное творение мощного духа, воспитавшегося на античных традициях, всем существом своим сжившегося с одной эпохой классической старины – трагической эпохой греческой истории» [Черняев, 2009: с. 227–228]. Уже то, что Флоровский не рискует самостоятельно анализировать философию Ницше, а выступает с позиции Зелинского, указывает на неоднозначность его отношения к данному мыслителю. Эта особенность найдёт своё развитие и в дальнейшем его творчестве. С одной стороны, Ницше очевидно оказал влияние на философский корпус самого Флоровского. Об этом свидетельствует откровенное заимствование ницшеанской терминологии («страна отцов», «страна детей», «неисторическое» и др. [Ницше, 1990a; Ницше, 1990b]) и проблематики (в частности, проблема исторического детства) в последующих работах (например, «О народах не-исторических» и др.) с дальнейшим их переосмыслением. Флоровский позже признавал, что Ницше подвёл к идее религиозного синтеза [Жукоцкая, 2001]. Вместе с тем, ницшеанский эллинистический ренессанс наш герой позже относит к «языческим возрождениям, требующим осторожного подхода или суровой критики» [Флоровский, 2000a: с. 258]. Его философию истории Флоровский позднее назовёт «лжебогословием» (впрочем, та же участь постигнет концепции Гегеля, Конта, Маркса). Имя Ницше для Флоровского неразрывно связано с европейским рационализмом, с «ветряными мельницами» которого он (Г.Ф.) боролся в своём творчестве.

Сложно отрицать влияние на творчество Флоровского не только Ницше, но и другого «психологизирующего философа жизни» Вильгельма Дильтея (1833–1911), анализ одной из работ которого («Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах») представлен в сборной рецензии на сборник «Новые идеи в философии» [Флоровский, 1913f].

Флоровский анализирует предложенный историко-философский подход, согласно которому «склад души» философа отпечатывается на его мировоззрении, потому изучение истории философии невозможно без анализа личностно-психологических факторов, мотивировавших и вдохновляющих того или иного мыслителя.

Подобная же проблематика затрагивается и в анализируемом в этой же рецензии «блестящем докладе» интуитивиста Анри Бергсона (1859–1941) «Философская интуиция». Флоровский соглашается с Бергсоном в том, что чрезвычайно важно «вместо механического выведения философского мирозерцания из столкновения ряда влияний обратиться к тому, кто был объектом этих влияний и в индивидуальной глубине его духа поискать его интуицию [Флоровский, 1913f: с. 321]. Данные два подхода оказали существенное влияние на Флоровского. Вместе с тем Бергсон также не избежал критики со стороны Флоровского, в частности за свою концепцию «творческой эволюции». О. Георгий считал, что творчество в бергсоновской интерпретации представлено слишком натуралистически как реализация потенциала имманентных природных способностей и является лишь продолжением природной эволюции, в то время как Флоровский постулирует онтологическую уникальность творчества, обусловленного не внешними, природными факторами, а внутренним стремлением самого человека к совершенству и богоподобию [Черняев, 2009: с. 78]. «В пределах этого натуралистического монизма нет места подлинному творчеству и свободе... Железных петель необходимости Бергсон не разрывает», – напишет позже Флоровский в работе «Хитрость разума» [Флоровский, Эл.Р.]. Флоровский и Бергсона превратит в представителя традиции европейских рационалистов, у которого власть *ratio* ввиду его принадлежности к еврейскому народу, по мнению нашего героя, особенно сильна, также, впрочем, как и у Спинозы, Когена, Гуссерля, Зиммеля, Фрейда [Флоровский, Эл.Р.].

Можно отметить, что к последнему Флоровский обращается ещё в «одесской» рецензии на книгу Штекеля «Что на душе тaitся...» Он критикует фрейдизм за редукционизм и «узость», за попытки совершенно искусственным образом «сплошное извращённое сексуальное чувство» представить как «основу душевной жизни человека», тем самым нивелируя «все богатство духовной жизни» его [Флоровский, 1913e: с. 319]. Отметим, что в дальнейшем Флоровский обратится к проблеме подсознания как «подземной тьме», которую каждый может обнаружить в себе, в работе «Ночная тьма» [Флоровский, 2000b]. Но, в отличие от Фрейда, будет трактовать либидо не как «плотскую похотливость», а как «эротическую замкнутость на себе, берущую начало в грехе» [Флоровский, 2000b: с. 208].

К психологической проблематике Флоровский обращается в рецензии на книги Вильгельма Вундта (1832–1920), в работах которого находит много «весьма ценного материала, глубоких соображений. Особенно ему близка оценка Вундтом прагматизма – «строгая и объективная... и далеко не

благоприятная». Также близка Флоровскому идея цельной системы мышления, предложенная данным мыслителем [Флоровский, 1913с: с. 226–227]. Обращение к наследию Вундта не было случайным для Флоровского. Напомним, что о. Георгий был воспитанником позитивиста Николая Ланге, исследовавшего проблемы преимущественно экспериментальной психологии. Сам Ланге был учеником Вундта. Несмотря на то, что Флоровский писал о себе: «Трудно было найти студента более чуждого Ланге, чем я», – все же этот преподаватель, считавшийся «грозою факультета», «оказывал поддержку» Флоровскому и относился к нему с «особым интересом», видимо, заметив в студенте незаурядные способности [цит. по Блейн, 1995: с. 22]. Флоровский навсегда запомнил своеобразную «установку», которую ему дал Ланге: «Вы можете, если хотите заниматься метафизикой, но при условии, что основательно изучите позитивные науки и будете вести собственную исследовательскую работу» [цит. по Блейн, 1995: с. 23]. Флоровский, как отмечает, Эндрю Блейн, соглашался с данной позицией [Блейн, 1995: с. 23]. Ещё в студенческие годы он активно интересовался математикой и логикой (поэтому посещал лекции Самуила Шатаковского), физиологией (которую преподавал Флоровскому ученик академика Павлова Борис Бабкин), химией и биологией (даже входил в студенческое биологическое общество). Отголоски этого увлечения «позитивными» науками мы обнаруживаем в дальнейшем его творческом наследии. В частности, в его биологической терминологии, применяемой нашим героем в концепции философии истории (в частности, в его знаменитой концепции истории как эпигенеза). Хотя, заметим, за «органицизм» сам Флоровский критиковал других мыслителей, в частности Освальда Шпенглера.

Проблема целостного мышления, разума, предстаёт и в других «одесских» рецензиях. В частности, в рецензии на сборник «Новые идеи в философии» упоминается Эмиль Буртру, рассматривающий философию как функцию цельного разума, более широкого, чем умственная способность. Идея, близкая в дальнейшем гносеологии самого Флоровского, для которого разумная способность (*ratio*), столь культивируемая Западом, не способна предоставить знание в его полноте, ибо не в состоянии преодолеть пропасть между мыслью и сущим. Позже Флоровский предложит свой вариант цельного знания – «библейское мышление», в основании которого заложен личный опыт Откровения [Даренский, 2009: с. 49–63].

Отличной иллюстрацией увлечённости юного Флоровского «позитивными науками» служит присутствующий в рассматриваемой рецензии анализ второй части сборника «Новые идеи в философии» («Борьбы за физическое мировоззрение»), посвящённой проблеме «ценности в познавательном отношении физического естествознания» [Флоровский, 1913f: с. 321]. Автор демонстрирует незаурядную эрудицию в области естественных наук. Здесь представлен обзор работ сборника (подборку которых Флоровский отчасти критикует за нелогичность, в частности за то, что для иллюстрации одной из

заявленных здесь проблем – спора Маха-Планка – были выбраны труды, проясняющие лишь «среднюю часть полемики».

Итак, мы проанализировали ранние работы о. Георгия (четыре из которых были упомянуты впервые). В итоге была выявлена определённая «целостность» творческого наследия Флоровского, который в разные периоды своего творческого пути развивал (возможно, и в различном преломлении) многие идеи, заявленные ещё в юности. Причём здесь уместно говорить о своеобразном «единстве» творчества мыслителя не только в плане тематическом, содержательном, но и стилистическом (хотя, мы согласны с Черняевым, что в ранних работах Флоровский всё-таки более «академичен», что впрочем, свойственно многим молодым, начинающим исследователям). Антуан Аржаковский относил о. Георгия к т.н. «верным сынам» среди русских религиозных философов, подразумевая постоянство его веры, верности Церкви на протяжении всей жизни (в отличие, например, от Марии Скобцовой). Но, в некотором смысле, Флоровский оставался в своей творческой эволюции (при всей даже противоречивости, на которую справедливо обращает внимание диакон Павел Гаврилюк) верен и самому себе. Безусловно, мы не берёмся утверждать «однородность» творческого наследия о. Георгия (достаточно упомянуть «евразийский период» его творчества, который отличается, например, от «американского»). Но на основании первых публикаций и эпистолярного наследия раннего периода можно сделать вывод о том, что идейная «матрица», проблемное поле (в частности проблема антропологического редукционизма, проблема немецкой классической философии как источника русской мысли, вопросы историко-философского познания и т.д.) его творчества были сформированы ещё в годы пребывания Флоровского в Одессе.

Безусловно, в рамках данной публикации не был дан исчерпывающий ответ на вопрос о значении «одесского периода» в становлении творческой рефлексии Флоровского. Имеют перспективу исследования текстов к лекциям философа в Новороссийском университете (возможно, они сохранились в архивах университетской библиотеки). В частности, текста одной из первых лекций, посвящённой проблеме времени у Лейбница и Ньютона. Интересны и тексты студенческих конкурсных работ, упомянутых Блейном. Особо значима в контексте изучения концепции «неопатристического синтеза» и «христианского эллинизма» рецензия 1912 года на работу Глубоковского. В целом же сказанное выше свидетельствует о том, что вопрос о генезисе творческого наследия о. Георгия всё ещё остаётся открытым.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллилуева С. И.* Далёкая музыка. – Нью-Йорк: Liberty Publishing house, 1988. – С. 35–37.
- Блейн Э.* Жизнеописание отца Георгия // Г.В. Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / Общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Прогресс, Культура, 1995. – С. 17–240.

- Блум, митрополит Сурожский Антоний Воспоминания [Эл. ресурс] / Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/b/bodriyar/blum_01.html
- Глубоковский Н.Н. Православие по его существу [Эл. ресурс] / Режим доступа: http://azbyka.ru/dictionary/15/glubokovskij_pravoslavie_po_ego_sushhestvu-all.shtml
- Голубович И.В. Г.В. Флоровский: Путь, начавшийся в Одессе (Фрагменты интеллектуальной биографии) // Актуальні питання творчої спадщини Г.В. Флоровського / Заг. ред. Е.І. Мартинюк. – Одеса: Фенікс, 2009. – С. 25–34.
- Даренский В.Ю. Гносеологические идеи Г.В. Флоровского // Актуальні питання..., 2009. – С. 49–63.
- Жукоцкая З.Р. Дионисийский феномен в творчестве Ф. Ницше и В. Иванова // София. Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. – 2001. – № 2–3 (Электронная версия) – [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://www.eunnet.net/sofia/02-3-2000/text/0208.htm>
- Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 455–460.
- Ницше Ф. О пользе и вреде истории // Ф. Ницше. Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т.2. – С. 161–162.
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ф. Ницше. Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т.2. – С. 5–169.
- Огородник И.В., Русин М.Ю. Українська філософія в іменах. – К.: Либідь, 1997. – С. 277–278.
- Половинкин С.М. Инвектива скорее, чем критика: Флоровский и Флоренский // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003. – М.: «Модест Колеров», 2004. – С. 19–50.
- Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. – Одесса: Астропринт, 2007. – 536 с.
- Посадский А.В., Посадский С.В. *Историко-культурный путь России в контексте философии Г.В. Флоровского* [Эл. ресурс] / Режим доступа: pokrov-forum.ru/science/prav_phil_kult/kniga_florovsky/index.php
- Раев М. Соблазны и разрывы: Георгий Флоровский как историк русской мысли / пер. Я. Кротов // Г.В. Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / Общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Прогресс, Культура, 1995. – С. 241–306.
- Сахаров, архимандрит Софроний Переписка с Г.В. Флоровским. – Сергиев Посад: Троице-Сергиева лавра; Эссекс: Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2008. – 176 с.
- Томенцев Ю.А. Образ христианского историзма в раннем творчестве Г.В. Флоровского // Вестник Томского Государственного университета. – 2005. – Декабрь. – № 289. – С. 73–92.
- Флоровский Г.В. Вера и культура // Флоровский Г.В. Избранные богословские статьи. – М.: Пробел, 2000. – С. 243–262.
- Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли // Известия Одесского библиографического общества при Императорском Новороссийском университете. – Одесса: Центральная типография. – Т.1. – Вып. 10 (1912), 1913. – С. 382–403.
- Флоровский Г.В. Новые книги о Владимире Соловьёве // Известия Одесского библиографического общества..., 1913. – С. 237–252.
- Флоровский Г.В. Ночная тьма // Флоровский Г.В. Избранные богословские статьи. – М.: Пробел, 2000. – С. 201–209.
- Флоровский Г.В. О народах не-исторических // Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998. – С. 87–103.
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – Мн.: Издательство Белорусского Экзархата Московского Патриархата, Харвест, 2006. – 608 с.

- Флоровский Г.В.* Рецензия на книги Вундта В. Введение в психологию. Пер. А. К-на, под ред. Ланге – Одесса, 1912; Вундта В. Проблема психологии народов. Пер. Н.Самсонова. – М.: 1912; Вундта В. Основы искусства. Пер. Н.К. Ядрышева. – Спб.: 1910 // Известия Одесского библиографического общества, 1913. – С. 226–227.
- Флоровский Г.В.* Рецензия на книгу С. Аскольдова Алексей Александрович Козлов. М.: Путь, 1912 // Богословский вестник. – 1912. – Т.4. – №11. – С. 654–656.
- Флоровский Г.В.* Рецензия на книгу Ф. Ницше Полное собрание сочинений. Т.1. – М.: Московское книгоиздательство, 1912 // Известия Одесского библиографического общества..., 1913. – С. 227–228.
- Флоровский Г.В.* Рецензия на книгу «Что на душе таится...» Д-ра В. Штекеля// Известия Одесского библиографического общества..., 1913. – С. 318–320.
- Флоровский Г.В.* Рецензия на сборник «Новые идеи в философии» Под. ред. Н.О. Лосского, Э.И. Радлова. – Спб.: Образование, 1912. – Сб.1. Философия и её проблемы. – Сб.2. Борьба за физическое мировоззрение // Известия Одесского библиографического общества..., 1913. – С. 320–322.
- Флоровский Г.В.* Хитрость разума [Эл. ресурс]/ Режим доступа: nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-GVF-xitrost.php
- Черняев А.В.* Г.В. Флоровский как историк и философ русской мысли. – М.: ИФРАН, 2009. – 199 с.
- Nichols A.* Light from the East: Authors and Themes in Orthodox Theology. – London: Sheed & Ward, 1995. – 234 p.
-

Ann Golubitska (Odessa)

The genesis of Georges Florovsky's philosophical reflection (based on reviews of «Odessa period»)

The author reveals the origins of Georges Florovsky's philosophical reflexion. The central idea of it is the problem of defining the place and importance of «Odessa period» in his creative heritage. The author pays special attention to Florovsky's early works.

Ann Golubitska, applicant for PhD in philosophy at the Department of Philosophy for Natural Sciences Faculties of I. Mechnikov Odessa National University

Анна Голубицкая, аспірантка кафедри філософії природничих факультетів філософського факультету Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова

Анна Голубицкая, аспирантка кафедры философии естественных факультетов философского факультета Одесского национального университета им. И. И. Мечникова
